

Пожалуй, Светлана Алексиевич и сама не предполагала, какая судьба уготована ее новой книге «Цинковые мальчики». Лишь только на страницах газет и журналов появились публикации отдельных фрагментов, как на писательницу и ее детище обрушился шквал отрицательных читательских эмоций.

И тем не менее, недавно новая книга писательницы увидела свет на страницах журнала «Дружба народов». Это событие и стало поводом для разговора с писательницей.

— Начнем с начала: прежде чем появиться книге, должен был возникнуть ее замысел. Как вы пришли к афганской теме?

— Завершив работу над книгами «У войны не женское лицо» и «Последний свидетель», я решила больше о

уходишь, папа!» Ее быстренько увезли. Начался траурный митинг... Я слушала и думала: «Господи, о чем говорят эти люди?!» Из всех присутствующих только девочка маленькая, ребенок этот, остался человеком с простыми человеческими чувствами. Я на

и тут же слышала: «Вы там вычисляете, кто сделал ошибку, а нам надо подниматься в воздух и умирать...»

Побывала я и на боевых заставах, видела, в каких условиях живут солдаты. Запомнила поговорку о том, что в Афганистане умный продвинется по службе, хитрый обогатится, а дурак настреляется. Сравнивала достаток советников, получавших кучу денег, и нужду солдат, имевших на все расходы три рубля...

— Такую войну, конечно, не забудешь. И когда произ-

инстанции. Правда этой войны еще только открывается. Скоро придут в литературу ребята-«афганцы», очевидцы, участники тех событий и дополнят картину. К примеру, Николай Ермаков пишет хорошие вещи. А в моей книге — лишь мои ощущения, моя женская точка зрения.

Кроме того, я уверена, что в реакции на книгу отражаются наше перевернутое сознание. Мы имеем дело с обманутым поколением. Вспомню одну маму солдата. Я приехала к ней недели через две после похорон ее сына. Это была не женщина, а живой крик. А через полгода меня пригласили на встречу со школьниками. В числе приглашенных оказалась и эта мама. Помню, вначале показали на экране портрет ее погибшего сына, а потом она начала выступать. Меня потрясло: женщина, которая полгода назад билась головой о гроб и кричала: «За что!», сегодня заученно повторяла слова о патриотизме, привычно вспоминала имена Матросова, Корчагина. Я ушла больная...

Я бы назвала нас всех романтиками рабства. Есть обряды, есть клятвы — и попробуй их переступить! Так что негативная реакция и на мою книгу — это в немалой степени «заслуга» господствующей идеологии.

— Позвольте с вами не согласиться. Дело, по-моему, не столько в идеологии, сколько в конкретных судьбах живых людей, наших «афганцев». Уже сейчас обыватель в очереди бросает реплики: знаем мы вас, интернационалистов, нам Алексиевич глаза открыла на ваши подвиги...

— Ну, знаете ли, если ориентироваться на обывателя, то вообще не придется и рта раскрыть. Литература должна ориентироваться на истину — ту, о которой Достоевский сказал: «Истина дороже России». И все-таки настаиваю на том, что мы очень долго были под идеологическим облечением, наше сознание больно и обмануто.

— Собираетесь ли вы в дальнейшем возвращаться к афганской теме?

— Нет. Вот только еще театр имени Янки Купалы поставит инсценировку по «Цинковым мальчикам», и на этом все. Думаю, что я сказала все, что могла, и теперь с нетерпением буду ждать новых «афганских голосов», которые принесут новую правду. Моя же писательская судьба складывается так: я должна писать книгу о Чернобыле — самой страшной трагедии своего народа. Мы не выбираем своих путей...

— Спасибо за интервью. Творческих вам успехов!

Беседовал
Евгений СУЛЫГА.

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ:

Знамя Юности. — Минск. — 1990. — 189 эк.

«ПРАВДА ЭТОЙ ВОЙНЫ ЕЩЕ ТОЛЬКО ОТКРЫВАЕТСЯ»

войне не писать. Душевные силы были израсходованы до дна. Хотелось написать книги о любви, о счастье. Книгу монологов мужчин и женщин. Это должна была быть такая книга, которую можно писать при любом политическом строе. Я даже заявку отнесла в издательство, но...

Война все равно существовала вокруг меня, хоть я и старалась оттолкнуть ее от себя. Интуитивно чувствовала: афганская война страшнее Великой Отечественной.

Как-то ехала я к родителям в Гомельскую область. На автовокзале увидела лейтенанта и парнишку, который сидел в стороне и, не обращая ни на кого внимания, ковырял землю вилкой. Женщины на остановке не выдержали и стали расспрашивать лейтенанта: что случилось с парнем? Оказалось, что он — солдат, служил в Афганистане, сошел с ума, попал под минометный обстрел: теперь все время окапывается. Тут же выяснилось, что у одной из женщин, обступивших лейтенанта, сын тоже служит в Афганистане. Заголосили бабоньки...

Добралась до дома, а мать рассказывает: ее ученик в Афганистане погиб, недавно похоронили. В общем, эта война шла за мной по пятам.

Через некоторое время после случая на автовокзале приехал ко мне режиссер Геннадий Тростенецкий. Он ставил «У войны не женское лицо» в Омском театре. А в этот же день в город привезли из Афганистана шестерых погибших вертолетчиков, и мы решили поехать на похороны. Жуткое было зрелище. Военный эскорт, черные ленты, венки. Взрослые молчали, стоя в оцепенении у свежесрытых могил, и только девочка кричала: «Папа, папа! Куда ты

всю жизнь запомнила глухое людское молчание и молодость вдов. И поняла: должна написать об этом.

— И сразу же собрались в Афганистан!

— Нет, сначала я встречалась с матерями не вернувшихся из-за Гиндукуша солдат. Меня поразило, как много среди погибших было единственных в семье детей. Помню маму, Журавлеву, — она одна в бараке, в нищете воспитывала своего единственного сына. Работала стрелочницей на железной дороге. Знаете, это даже как-то трагически-символично, у нас ведь за все и всегда стрелочники отдают. В общем, вырастила она красавца-парня, надежду и опору свою, но... Туда же, в барак, привезли ей цинковый гроб.

Я поняла, что книга моя будет не только о войне, но и о нас всех, о нашей незащищенности перед государством. О том, что наших детей гонят на убой, а мы молчим.

И все же без поездки в Афганистан было не обойтись. Конечно, я понимала, что не буду участвовать в боевых действиях, но я должна была хоть прикоснуться к Афганистану, ощутить атмосферу войны.

— ...И ощутили!

— Да, увидела и услышала много страшного. Война давала о себе знать на каждом шагу. Вот только один случай: шли мы как-то в штаб армии, а у входа совсем молодой солдатик стоял, проверял документы. Через несколько минут возвращаемся, а он уже на носилках — осколочное ранение...

Я встречалась с вертолетчиками перед их вылетами. Мы говорили о войне, соглашались, что посылать войска в Афганистан было ошибкой

носят слово «Афганистан» — от воспоминаний уже не отделаться...

— Да, как наяву встает перед глазами мальчик-афганец с ампутированными руками: подаренную нами игрушку он держал в зубах... Вспоминаются камни, брошенные местными жителями в нашу машину. Не забыть и встречи с пленным душманом в тюрьме Пули-Чархи. Я спросила его, почему он взял в руки оружие. И этот человек ответил, что однажды по делам уехал в соседний кишлак, а когда вернулся — не нашел своего дома и своей семьи. Кишлак разбомбили «шурави»... Меня до сих пор преследует чувство вины.

— Как долго вы писали книгу?

— Три года. Трудно было снова и снова переживать афганские ужасы. Но я была уверена, что делаю нужное дело. И мне казалось, что ребята-афганцы и матери погибших станут моими единомышленниками. А вышло иначе. Мне звонят и звонят: дескать, вы наживаетесь на крови наших сыновей. (Кстати, деньги, которые были получены за публикацию фрагментов из книги «Цинковые мальчики», я перевела в благотворительный фонд).

— Как вы считаете, в чем причина неприятия вашей книги? Может быть, в том, что вы показали Афганистан только с одной стороны — с той, где больше грязи и «чернухи»?

— Возможно, это лишь реакция на фрагменты, а прочтя всю книгу, люди изменят свое отношение к ней. Я ведь не говорила, что там сплошная грязь. И потом, я не претендую на истину в последней